

Бесконечные хлопоты

Ли Маосянь наградил четвертого сына тяжелым взглядом. Ли Цинфэн, поначалу пребывавший в полном недоумении, вдруг осекся — в памяти всплыли строгие наставления отца. Юноша готов был отвесить себе добрую затрещину за длинный язык.

Ли Цинвэнь поспешил на выручку:

— Батюшка, ты ведь сам говорил, что сахар можно получить из многих сладких вещей. Я только что грыз эти стебли, и они оказались очень сочными. Вот и подумал: вдруг и из них выйдет толк?

Четвертый брат тут же подхватил:

— Точно-точно! Батюшка, разве не ты нам об этом сказывал? Неужто позабыл уже?

Деревенские жители отродясь не слыхивали, чтобы из простых стеблей варили сахар. Скажи такое кто другой, его бы подняли на смех, сочтя эти речи пустой болтовней. Всем известно: стебли идут на растопку да на корм скоту. Сахар же стоит баснословных денег, и между этими вещами, казалось, не могло быть ничего общего.

Однако теперь вся деревня знала, что семья Ли владеет секретом сахарного дела. Видя, как уверенно братья вторят друг другу, крестьяне призадумались: а вдруг и впрямь не шутят? Вокруг тут же поднялся гомон — каждый норовил выведать подробности.

— Дядя, неужто и впрямь из сорго сахар выйдет? — слышалось из толпы. — То-то я гляжу, ты семена из такой дали привез... Видно, и стебли в дело сгодятся.

— Племянничек, — обратился другой к Ли Цинвэню, — если из этой травы сахар варить, сколько же его с одного му выйдет? Если дело верное, мы все на сладкое сорго перейдем. Что ж ты раньше молчал? Знали бы — засеяли бы всё поле.

Ли Маосянь и сам толком ничего не знал, но, обладая природной смекалкой, не растерялся и ответил соседям:

— Слыхал я когда-то, что из такого сорго сахар пробовали гнать. Решил сам проверить, да поначалу не задалось, вот и бросил это дело. А детвора, видать, всё еще грезит об этом.

Односельчане помнили, что глава семьи сажал такое сорго лишь один год, а потом перестал, поэтому в его словах не усомнились и скрытого умысла не заподозрили.

— Дядя, ты человек бывалый, сообрази что-нибудь! — наперебой загалдели они. — Коли и впрямь сладость получим, будем сорго растить. Пусть хоть пять-десять цзиней с поля выйдет — и то подспорье!

— Верно говорите! Уж подсоби, мил человек. А коли всё получится, каждая семья тебе по возу стеблей со своей делянки привезет.

Ли Цинвэнь уже бывал в уездном городе и знал, как дорог сахар. Даже за самый грубый белый песок просили больше тридцати медных монет за цзинь. Цена десяти с лишним цзиней сорго едва равнялась стоимости одного цзиня сахара, оттого-то все так и воодушевились.

Только вот крестьянам суждено было разочароваться. Юноша в прошлой жизни лишь мельком видел способ приготовления и помнил только, как варить сироп. Секрет превращения его в сахарный песок или кусковой сахар оставался для него тайной.

Раз уж столько людей обратилось с просьбой, Ли Маосянь не мог просто промолчать.

— Попробую еще разок, — осторожно проговорил он. — Но ничего не обещаю.

— Пробуй, обязательно пробуй! — лица односельчан озарились надеждой. — Ежели не выйдет, так и томиться ожиданием перестанем. А понадобится помощь — только скажи, вмиг подсобим!

К счастью, зерно к тому времени уже смололи. Ли Маосянь и Ли Цинму взвалили на плечи мешки с крупой и отрубями и зашагали к дому. Те, кто остался у мельницы, еще долго обсуждали чудодейственные стебли.

Дома Ли Маосянь велел старшему сыну идти обедать, а Цинфэна отпустил восвояси — тот юркнул в свою комнату, опасаясь гнева. Но опасения были напрасными: отец первым делом подозвал к себе Ли Цинвэня, чтобы расспросить о варке сахара из стеблей.

Сынок поведал всё, что помнил, честно предупредив: получить твердый сахар или солод из сорго не выйдет — получится только густой сироп.

Прежде чем отец успел что-то спросить, Ли Цинвэнь добавил:

— Я видел это во сне. Там было много способов сделать настоящий белый сахар, но я их совсем не помню.

Маосянь долго смотрел в ясные глаза сына, а затем произнес с небывалой серьезностью:

— Сынок, об этом сне ни в коем случае нельзя болтать. Никому и никогда.

Перемены в юноше и так казались соседям чем-то диковинным, а если прознают про вещи сны — беды не миновать.

Ли Цинвэнь понимал это лучше других и твердо кивнул:

— Не беспокойся, батюшка. Кроме наших домашних, никто от меня ни слова не услышит.

Он и сам чувствовал себя не в своей тарелке, оказавшись здесь по воле случая, и лишь перед родными не мог таиться, придумав оправдание с видениями. Ради собственной безопасности он не собирался проговориться и словом на стороне.

Пока разговоры о сорго стихли, Ли Маосянь снова собрал семью, раздал каждому наставления и ушел из дома, вернувшись лишь глубокой ночью.

На следующий день он сначала детально расспросил сына о самой возможности получения сахара из стеблей, а затем принялся за устройство пресса. Пока Ли Цинвэнь объяснял, как должен выглядеть станок для отжима сока, во двор пожаловал деревенский староста Го Дацюань в сопровождении нескольких старейшин клана Хань из восточной части деревни.

Видя такое шествие, Ли Маосянь сразу смекнул, зачем они пришли. Гости, едва переступив порог, завели речь о сахарных стеблях. В окрестностях уезда Люшань почти в каждом хозяйстве выращивали сорго — у кого-то всего несколько му, у кого-то десятки. Если из отходов жатвы и впрямь можно выжать прибыль, это стало бы благословением для всей округи. Слухи, поползшие вчера, сегодня привели к дверям семьи Ли толпу просителей.

Хозяин дома повторил то же, что говорил на мельнице:

— Я уже условился с шестым дядей. Как только он уберет сорго, привезем стебли сюда, и я попробую взяться за дело. Пусть все приходят смотреть — получится что или нет, сами увидите.

Жатва еще не началась, так что оставалось только ждать. Гости, получив обещание, заверили, что в долгу не останутся: если дело выгорит, вся деревня будет обязана Маосяню. Хоть все и были соседями, но сахар сулил звонкую монету, а такие дела требуют ясности.

Уладив все формальности, старики с миром ушли.

Несмотря на суету со стеблями, варка солодового сахара не прекращалась. Закупленную в городе пшеницу разделили на две части — в доме не хватало котлов, чтобы сварить всё разом. Смолотое накануне сорго очистили от шелухи и отрубей, а зерна перетерли в муку. В этот раз решили обойтись без дорогого клейкого риса, заменив его сорго.

Ли Цинму вызвался молоть муку, а Ли Маосянь засел за обдумывание устройства станка для

отжима.

Позже заглянул глава клана Ли Бэньшань с внуками. Его ветвь всегда славилась многочисленностью — одних только сверстников Ли Цинвэня насчитывалось больше тридцати: старшие уже нянчили собственных внуков, а младшие еще бегали нагишом.

Его визит не стал неожиданностью. Родному человеку Ли Маосянь рассказал чуть больше. Второй дедушка одобрительно кивал:

— Дело-то общее, негоже тебе одному надрываться. Я пришлю своих, кто пособнее, пусть помогут.

Ли Маосянь поспешил отказаться:

— Помощь понадобится, когда стебли свезем. А сейчас я инструмент лажу, да только дерева подходящего не хватает...

— В моем сарае присмотри, бери что приглянется, — легко отозвался Бэньшань. — Доброе дело затеял. Если получится — всему нашему роду Ли честь и хвала будет.

Тем временем молодежь собралась в западной комнате. Пока ровесники болтали с Ли Цинхуном и Ли Цинфэном, их взгляды то и дело возвращались к младшему брату. Все подмечали: стоило юноше оправиться от недуга, как он стал удивительно статным и пригожим. Лицо его осталось прежним, но в глазах зажегся живой ум. Ли Цинвэнь уже привык слышать подобные похвалы от деревенских.

Ли Цинфэна это внимание начало раздражать:

— Чего уставились? Смотрите — глаза на пол выпадут, как бы не раздавил кто!

Ли Цинъюн усмехнулся:

— Да ладно тебе! Раньше и взглянуть не давал, и сейчас то же самое. Сынок твой не девица красная, а ты его бережешь, словно сокровище какое.

— Будь он девицей, я бы вам за такие взгляды глаза-то и повыкалывал, — огрызнулся четвертый брат.

Парни разговорились, пошли расспросы про сахар. Видно было — у всех слюнки текут.

Ли Цинвэнь вдруг предложил:

— Коли хотите лакомства отведать, приносите свою муку из сорго — сварим вместе с нашей.

— Неужто и из муки сорго сахар выйдет?! — ахнули ребята. Простая лепешка из сорго была не слишком вкусной и уж точно не казалась сладкой. Откуда там взяться сахару?

— Не верите — как хотите, — фыркнул Ли Цинфэн.

Но его напускное равнодушие только убедило парней. Они сорвались с мест, словно у них пятки задымились, — каждому не терпелось уговорить родителей.

Ли Бэньшань, увидев, как внуки бросились врассыпную, только и успел проворчать:

— Озорники! Пришли — не удержишь, а убежали еще быстрее.

Вскоре, однако, молодежь вернулась, таща за собой отцов и матерей и наперебой требуя наварить им сахара из сорго. Взрослые, ничего не понимая, пытались доискаться правды. Иные, кто покруче нравом, уже отвесили сыновьям по паре затрещин, но те только кривились от боли и не отступали, грезя о сладостях.

Матушка Чэнь, узнав о затее младшего сына, радушно встретила соседок. Она объяснила, что через несколько дней они снова приступят к варке, и каждая семья может принести муку, чтобы получить свою долю солода.

Женщины впервые слышали о таком чуде, но расспрашивать не стали — всё же это чужое ремесло, хлеб семьи, в такие тайны лезть не след. Госпожа Чэнь, будучи своей среди своих, честно предупредила: сколько сахара выйдет из одного цзиня муки, пока неясно — это станет понятно, лишь когда котёл снимут с огня.

Все понимали: в любом деле есть убыток. Раз уж дети так развоевались, отказать было невозможно. Хозяйки лишь пообещали дома приложить непосед березовой кашей, а на словах сердечно благодарили за доброту.

Пока Ли Маосянь ходил выбирать дерево к дедушке Бэньшаню, в доме кипела работа. Женщины вскоре разошлись по своим делам. Едва утихла одна суматоха, как на пороге появился коробейник Цю. В этот раз он был без своего коромысла — видно, пришел по делу. Ли Цинхун не удержался от ворчания:

— Что за день такой? Прямо ярмарка во дворе.

Пробурчав это, он отправился за отцом к главе клана.

Коробейник выглядел взволнованным. Не успев присесть, он выпалил:

— Матушка, неужто в доме ни одного леденца не осталось? Те узорчатые леденцы да «панды», что я в город возил, смели в мгновение ока! Хозяин лавки уже через людей наказ передал — требует еще, и поскорее!

Госпожа Чэнь и сама знала, что сладости пришлось по вкусу, но в закромах было пусто — в прошлый раз всё отдали до последней крошки.

— Когда же новая партия поспеет? — не унимался Цю.

— Дня три-четыре обождать надобно, — прикинула матушка. — Как сварим — сами в поселок доставим.

Вскоре вернулся Ли Маосянь.

— Мы вчера только из города воротились, — сказал он гостю. — Знай я, что так дело пойдет, заглянул бы к тебе, чтоб зря ноги не бил.

— Да что вы, дядя! Силы-то у меня немного, а вот ноги быстрые, — рассмеялся коробейник Цю. На прошлой торговле он выручил немало сахара и монет. Впервые деньги достались ему так легко, и он готов был бегать в деревню хоть каждый день.

— Слышал я, вы вчера по лавкам хаживали, расспрашивали... — продолжал он. — Товар-то ваш на вид больно хорош, детишки от него без ума, вот и расходуется быстро. Скоро жатва начнется, забот прибавится, так что вы уж постарайтесь сейчас побольше наварить.

Ли Маосянь кивнул:

— Об этом не беспокойся, жатва делу не помеха.

Похвалив товар, коробейник замялся и добавил:

— Хозяин лавки просил узнать... Нельзя ли сладости эти сделать послаще? Вид у них отменный, а вот вкус, говорят, малость пресноват.

Этот разговор уже заходил среди своих. Маосянь ответил:

— Можно и белого сахара добавить, да только цена тогда совсем другой будет.

— Это понятно, — закивал собеседник. — Само собой разумеется.

<http://bllate.org/book/15828/1431952>